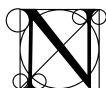

ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

*Серебряный
ангел*

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л59

Серия «Королева любовного романа»

Johanna Lindsey
SILVER ANGEL

Перевод с английского *А. М. Фроловского*

Художественное оформление *А. А. Кудрявцева, А. Б. Ткаченко*
студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Линдсей, Джоанна.

Л59 Серебряный ангел : [роман] / Джоанна Линдсей ; [пер. с англ. А. М. Фроловского]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Королева любовного романа).

ISBN 978-5-17-106375-7

Если бы юной Шантель Бурк сказали, что, попав в плен к пиратам, а затем в гарем турецкого паши, она встретит настоящую любовь, то не стала бы оказывать такое бешеное сопротивление. Хотя все равно не избежала бы покушений на свою честь и жизнь. И гораздо раньше ей удалось бы преодолеть в себе надменность английской аристократки, скажи Дерек Синклер лишь несколько слов...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-106375-7 © **Johanna Lindsey, 1988**
© **Перевод. А.Ф. Фроловский, 2000**
© **Издание на русском языке AST Publishers, 2018**

Глава 1

Барика, Варварский берег, 1796 год

На улице Ювелиров торговец жемчугом Абдул ибн Месих закрыл свою лавку, не дожидаясь, когда пение муэдзина призовет правоверных на молитву. До намаза было еще не меньше десяти минут, но Абдул стал стар, кости болели и пригибали его к земле, поэтому, как и каждый день, он вышел пораньше. Пока силы не оставят его, Абдул будет ходить молиться в мечеть. Он не намерен расстилать молитвенный коврик у лавки подобно менее благочестивым соседям. А поскольку торговец жемчугом оказался в этот час единственным человеком на улице, он и стал единственным свидетелем произошедшего у него на глазах убийства.

Молодой турок и бегущий за ним здоровенный мужчина в черном пронеслись перед носом Абдула, не обратив на него ни малейшего внимания. Еще немного, и они свернули бы за угол, скрывшись из виду, и тогда торговцу жемчугом не пришлось бы наблюдать этот кошмар. Но в самом конце улицы здоровенный настиг свою жертву и почти рассек турка надвое оказавшейся у него в руках кривой саблей. Мгновенно обшарив тело, он нашел какую-то бумагу и, не оглядываясь, побежал прочь. Турок остался лежать там, где его настигла смерть. Ручеек крови заструился вниз по булыжной мостовой, и мухи уже слетались со всех сторон на неожиданное угощение.

Абдул ибн Месих понял, что после увиденного он не может идти в мечеть. Под раздававшиеся с высоты многочисленных минаретов призывы муэдзинов он разложил молитвенный коврик позади своей лавки и преклонил колена, размышляя о том, как много времени прошло с тех пор, когда он виделся со своей дочерью в деревне. Скоро она должна приехать погостить у отца; хорошо бы подольше.

В тот же день, но чуть позже, еще два секретных курьера Джамиля Решида были убиты, так и не успев покинуть Баррику. Первый был отравлен в кофейне, тело второго нашли в зарослях одной из городских аллей. Стрела, сразившая несчастного, накрепко застряла в его горле.

Вечером четверо путников на верблюдах выехали через западные ворота Баррики в направлении Алжира. Ехавший впереди был тоже дворцовым курьером, и миссия его завершилась столь же плачевно. Трое следовавших за ним наемных убийц быстро сокращали отделявшее их от очередной жертвы расстояние и наконец достигли ее. Этот курьер умер так же быстро, как и все предыдущие.

Убивший его грек-мусульманин был из тех, кто будто рождается для подобной кровавой работы. Двое его спутников, братья-арабы, принадлежали к старинному семейству, известному преданностью дядям Баррики. Они не могли не испытывать некоторого смятения из-за причастности к ночной трагедии. Этого курьера, правда, они сами не убивали, но несколькими днями раньше старший брат убил другого.

Братья были столь же виновны, как грек, столь же грешны, как прочие наемные убийцы. Как и всех других, в случае обнаружения их ждала плаха палача. Возможно, рисковать собственными головами и честью семьи за кошель с золотом было вершиной глупости. Но и цена отхода с пути праведного была соблазнительна — кошель с золотом был весьма тяжел. Они решили рискнуть, и ощущение обретаемого богатства сейчас с лихвой перевешивало чувство вины.

Лесандр, так звали грека, пошарил в одежде убитого, нашел письмо, развернул его и начал читать, напрягая зрение при тусклом свете луны. Из груди злодея вырвалось рыдание. Было видно, что он с удовольствием бросил бы бумагу на землю и втоптал ее в пыль. Но грек, конечно, сдержал этот порыв.

— То же самое, — сказал Лесандр, передавая послание старшему из братьев.

— А ты думал, что увидишь что-то другое? — спросил младший араб.

— Надеялся, — коротко ответил грек. — Существует еще один кошелек для того, кто найдет настоящее письмо. Я бы хотел, чтобы он достался мне.

— Так же как и все мы, — добавил старший брат. —

4 Но *он* захочет взглянуть и на это, — продолжал он,

аккуратно пряча бумагу в складках своей одежды. — *Он* разыскивает каждое послание, все равно, такое же оно, как и все остальные, или другое.

Кто такой *он*, говорить не требовалось. Собственно, ни один из них и не мог произнести *его* имя: они его просто не знали. Никто как следует не видел *его*. Более того, они даже не знали, был ли *он* с теми, кто желает, чтобы Джамиль Решид умер, или участвует в каком-то другом деле. Но *он* был тем, кто так щедро платил им за каждое письмо, которое пытались доставить куда-то дворцовые курьеры.

Было, однако, нечто обескураживающее в происходящем. Будто приманку отправлял дей одного за другим все новых и новых преданных ему людей. Все они везли одно и то же письмо, даже не письмо, а записку, состоящую из трех написанных по-турецки фраз: «Вы получите мои приветствия. Нужны ли дополнительные объяснения? Мне никогда не забыть Вас».

На записках не было ни подписи, ни адреса. Их мог отправлять любой из находящихся во дворце в любое место на земле. Для отправителя они не представляли опасности. Скорее это была скрытая угроза для наемных убийц, которые, читая их, не могли не вспоминать о том, что у мести дея длинные руки. Возможно, это было вовсе не то письмо, которое должны были вывезти из Барики. А может, и сами курьеры были просто уловкой, чтобы обмануть убийц и отвлечь их от новых покушений на жизнь самого дея.

Первый курьер, которого удалось схватить, клялся, что ему поручили доставить письмо англичанину по имени Дерек Синклер. Но даже если это было правдой и дей действительно знал человека с таким именем, что могло сказать этому англичанину подобное письмо? Зачем терять столько людей, пытаясь его доставить? Поэтому убийцы считали, что существует другое послание, которое они и должны обнаружить. Оно может быть предназначено для дея Алжира, или бея Туниса, или даже для самого султана в Истамбуле. Это послание с просьбой о помощи. Хотя что может сделать любой из этих союзников, если ни один из них даже не догадывается, кто стоит за попытками убить дея.

Лесандр сел на своего верблюда.

— Думаю, этого оставим на прокорм стервятникам, — сказал он, взглянув на труп только что убитого им человека. — Я не привык оставлять следы, тем более покойников. Есть множество способов избавиться от них.

— К чему ты привык, не имеет значения. *Он* хочет, чтобы во дворце знали, что курьерам не удастся выполнить поручение. А как дей узнает об этом, если не найдут трупы?

— Это пустая трата времени, если хотите знать мое мнение, — выпалил Лесандр, больше не стараясь скрыть своего раздражения. — Я, пожалуй, рискну и сделаю свою работу прямо во дворце. Кто знает? Может, мне повезет и я сумею заработать самый большой кошелек, тот, который причитается за голову Джамиля Решида.

Отъезжая, грек засмеялся. Братья обменялись красноречивыми взглядами. Оба не сомневались, что вряд ли вновь увидят Лесандра живым, если он попытается проникнуть во дворец. После четырех покушений на жизнь дея того охраняли усерднее, чем когда-либо раньше. Любой, кто попытается убить Джамиля Решида, подпишет смертный приговор самому себе. А если до того как казнить, этого неудачника подвергнут пыткам, он начнет называть имена. Не *его* имя, оно неизвестно. Грек, к примеру, может сказать о тех, кто был с ним в эту ночь.

Лесандр в Барику не вернулся. Он был прав, существует много способов надежно избавляться от трупов, в том числе и от его собственного.

— Ты понимаешь, чем рискуешь?

Али бен-Халил в ответ кивнул. Перед сидящим напротив него человеком он испытывал благоговейный страх. Когда на базаре Али сунул свою записку в руку дворцового евнуха, он, конечно, рассчитывал на встречу с кем-то из дворца. Но не с главным же министром Джамиля Решида, великим визирем, да хранит его Аллах! Почему он пришел сам? Что же такого важного было в этих письмах, из-за которых погибло столько людей и сам великий визирь Омар Хассан сидел здесь и задавал вопросы Али?

Омар Хассан пришел переодетым в простой бурнус наподобие тех, что надевают в пустыне берберы. Зато вряд ли кто мог узнать в нем второго человека Барики. Он внимательно расспрашивал Али о причинах, заставивших его предложить свои услуги. Неужели тот и в самом деле готов рискнуть жизнью из-за женщины? Но так оно и было. Бедняк Али любил рабыню. Хозяин готов был продать ее, но только за хорошую цену. Где мог взять Али столько денег, если путь преступника был для него неприемлемым? Только на службе у дея.

Однако погибать при выполнении опасного задания он вовсе не собирался. Али рассчитывал, что сможет

сделать то, что не удалось до него многим другим. Он не был слугой дея, да и вообще никоим образом не был связан с дворцом. Все знали Али как обыкновенного продавца шербета. Кто заподозрит в нем одного из дворцовых посланцев? Из тех же соображений молодой человек не хотел идти во дворец, чтобы предложить свои услуги, а настоял на встрече в доме танцовщиц. Более того, он спрятался в нем за два дня до назначенного срока, а уйдет лишь спустя другие два дня. Весьма вероятно, что кто-то выследит Омара Хассана, несмотря на его маскировку, а затем постарается проследить и за всеми теми, кто покинет дом танцовщиц в вечер его посещения.

Великий визирь пребывал в нерешительности. Ему нравился план Али бен-Халила. Но принять его он опасался, так же как и отклонить. Али был молод, на вид года двадцать два. Темно-каштановые волосы и карие глаза подтверждали его рассказ о берберском происхождении. А бледно-оливковый цвет кожи и тонкие черты лица молодого человека позволяли предположить, что в плену у его предков бывали и белокожие рабыни. То, что он не выполнял раньше такого рода поручения, тоже было неплохо. Однако...

Еще неделю назад Омар не колеблясь вручил бы письмо очередному курьеру. Но как раз вчера Джамиль загнал его в угол, прямо спросив, сколько их уже было отправлено. Что мог ответить Омар? Правду? Но как произнести эту чудовищную цифру? Джамиль мог разгневаться. Ведь он спросил еще тогда, когда курьера посылали в первый раз. Это была идея Омара, и хорошая идея, как он и сейчас полагал. Однако и задуматься было над чем. Так много смертей, и ради чего? Возможно, что к тому времени, когда письмо принесет какие-то результаты, все уже будет кончено. Стоящего за попытками покушений найдут и сделают с ним то, что положено.

Помоги им Аллах, поскорее бы! Джамиль не из тех людей, которые легко переносят ограничения. Постоянное ощущение опасности и безрезультатность попыток узнать, кто враг, уже сказались на нем. Будь он старше, был бы, возможно, и поспокойнее. Но дею всего двадцать девять лет. Только семь из них он был правителем Барики, взойдя на трон после смерти старшего сводного брата, снискавшего при жизни недобрую славу тирана.

Правление Джамили было благотворным для Барики. Его незаурядная политическая мудрость, чувство

чести и справедливости, постоянная забота о благе подданных принесли процветание Барике и любовь жителей к дею. Вот почему Омар готов был сделать все, чтобы оградить жизнь Джамиля от опасности, даже если для этого придется принести в жертву жизни сотен преданных ему людей и этого наивного юноши, который сидел сейчас перед ним. Да и почему он должен колебаться, в конце концов?

Омар Хассан бросил деньги и даже позволил себе улыбнуться, заметив, как широко раскрылись глаза Али, когда кошелек тяжело шлепнулся на стол.

— Это на расходы, — объяснил великий визирь. — Здесь достаточно, чтобы купить любой корабль и нанять команду. Но ты не должен впадать в крайности. Небольшой шебеки*, весьма быстрой, будет вполне достаточно для твоих нужд. — Еще один кошелек был таким же тяжелым, как и первый. — А это за твою работу. Получишь еще такой же, если сумеешь доделать ее до конца. — Омар снова улыбнулся, так как глаза Али стали совсем круглыми. Но затем визирь заговорил серьезно: — Запомни, даже если тебе повезет, ты не должен возвращаться в Барикю как минимум шесть месяцев.

Это было единственное, что не мог понять Али в своем поручении. Но задать вопрос великому визирю он не решился.

— Да, мой господин!

— Прекрасно. О своей женщине не беспокойся. Во время твоего отсутствия я сам прослежу, чтобы ее не продали другому и хорошо обращались с ней. А если не вернешься, я позабочусь и о ее будущем.

— Благодарю, мой господин!

Разговаривать больше было не о чем. Омар Хассан протянул письмо новому курьеру.

Глава 2

«Моя дорогая Элен!

Не сочти это за жалобу, но ты не ответила на мое последнее письмо. Что-нибудь случилось? Уж не заболела ли ты? Ты же знаешь, как я волнуюсь, когда долго не получаю твоих писем. Теперь, когда у твоей племянницы траур закончился,

* Ш е б е к а — тип парусного судна на Средиземном море. —

вы, должно быть, стали выезжать. Я надеялась, что ты напишешь мне об этом подробно.

Шантель все еще у тебя, не так ли? Ну конечно же, ведь у *них* ее нет. Тебе, наверное, некогда писать, потому что ты готовишь ее к выходу в свет. Это я понять могу. Она чудесная девушка. Должно быть, все окрестные женихи бегают за ней. Есть ли достойные ее? Хотя, дорогая, это не имеет значения. Ей будет из кого выбрать здесь, в Лондоне, когда она придет. Жду не дождусь новой встречи с тобой и любезной Шантель.

Ты знаешь, муж моей дочери...»

Элен Бурк опустила письмо на колени и потеряла глаза. Как же скучно читать письма Марж Криг. Элен недоумевала, как эта женщина умудрялась исписать десять — двенадцать страниц полной чепухой. Но каждый раз было одно и то же. Только подумать, всего год совместной учебы в школе, и вот — каждые несколько месяцев по такому письму, полному нелепых сплетен. Но ей приходилось их читать, ведь никогда не знаешь, где Марж напишет что-нибудь полезное.

Она пробежала глазами еще несколько страниц, пока не уперлась в подчеркнутое слово *они*. Элен, видимо, не следовало описывать своих американских кузенов-выскочек кому-либо, особенно Марж Криг. Теперь подруга чувствовала себя вправе при каждом удобном случае поиздеваться над приехавшими из Америки Бурками. В принципе Элен была согласна почти с каждым ее словом. Но не Марж Криг бы говорить это.

«...Меня не удивило, что они так рано появились в городе. Как я слышала, твой кузен Чарльз уже успел в клубах всем надоест, да и его сын Аарон тоже. Это просто ужасно, что старшую из незамужних дочерей они вывели в свет в прошлом сезоне. Им всем следовало соблюдать траур, как это делали вы с Шантель. Но в этом году им удалось оплатить ее пребывание в Алмаксе. Хотела бы я знать, чьи деньги пошли на это. Ведь хорошо известно, что Чарльз унаследовал от твоего брата только баронетский титул, а не его состояние. Знает ли Шантель, как они тратят ее деньги? Как мог твой брат назначить ее опекуном такого вероломного человека?»

В порыве совершенно несвойственной ей ярости Элен скомкала письмо и бросила его в мусорную корзину, стоящую у ее стула. То, что она давно подозревала,

таким образом, оказалось правдой. Чарльз Бурк был не только безответственным опекуном, но еще и вором. Неудивительно, что он не отвечает на ее письма. Он не решается!

Господи! Что им делать? Да и что вообще можно сделать? До тех пор, пока Шантель не выйдет замуж или не достигнет совершеннолетия, кузен Чарльз вправе распоряжаться и ее наследством, и ею самой. Но совершеннолетней Шантель станет только через два года, а выйти замуж без разрешения опекуна она не может. Не исключено, что от скромного наследства, доставшегося Шантель от отца, может остаться очень мало или вовсе ничего. Даже дом у нее отобрали. Вместо того чтобы поселиться в маленьком баронетском поместье в Саквиле, Чарльз со своей многочисленной семьей переехал в большой фамильный особняк Бурков в Дувре, относительно которого в завещании не было специальных указаний, и принадлежать он, следовательно, мог только прямой наследнице — Шантель.

К счастью, Шантель пока не просилась домой, но Элен очень сомневалась, что ей когда-нибудь будут рады в Дувре. Девушка переехала к Элен сразу после смерти отца, еще до того, как его единственный родственник-мужчина прибыл в Англию со своей американской семьей. Они навестили ее только один раз.

Шантель тогда была слишком подавлена горем, чтобы присмотреться к ним, а вернуться домой они даже не предложили.

Нынешнее положение было, видимо, идеальным для Чарльза. Еще бы! Он не давал совершенно никаких денег на жизнь Шантель. А ведь это были ее деньги. Вероятно, он считал, что у Элен достаточно средств для них обеих, а может, ему это было просто безразлично. Ей следовало бы уже давно поставить его на место. Гордость гордостью, но ведь сыта ею не будешь. Ее собственное отцовское наследство уже значительно поуменилось, и скромного дохода от него едва хватает ей одной. Между тем прошло несколько месяцев, а Чарльз так и не ответил ни на одно из ее писем. Он теперь снова в Лондоне. Тратит деньги Шантель на свою семью, а Элен собирает по крохам и распродает семейные ценности. Лишь бы только Шантель не узнала правду о том ужасном положении, в котором она оказалась из-за завещания своего отца.

Честно говоря, думала Элен, брат не виноват. Когда
10 старший кузен, наследник баронетства, умер, Оливер

приложил все усилия, чтобы разыскать младшего кузена, который стал претендентом на титул. Разве он мог предвидеть, что умрет раньше, чем отыщется Чарльз. Не знал Оливер и то, каким мерзавцем был младший кузен, иначе, конечно же, оставил бы более благоприятные для Шантель распоряжения. Но он этого не сделал, а потому Чарльз, как единственный мужчина в семье, стал ее законным опекуном.

Хорошо уже то, что у Шантель была Элен. При разнице в возрасте в двадцать лет девушка была для нее как дочь, хотя ранее тетя в ее воспитании никогда не участвовала. Когда Шантель была маленькой, Элен много путешествовала. Позже, решив обосноваться на одном месте, она была уже слишком самостоятельной, чтобы возвращаться домой, где жил со своей семьей брат. Она купила дом в Норфолке и прожила там последние десять лет. Ее это вполне устраивало. Но она совсем не была против того, чтобы Шантель после смерти отца приехала к ней. Ей нравилась эта девушка.

Своих детей у Элен не было, может быть, именно поэтому она чувствовала такую привязанность к племяннице. Элен была женщиной тридцати девяти лет, с довольно обычной внешностью и светло-каштановыми волосами. Но прекрасные голубые глаза придавали ее лицу истинное обаяние. Выходить замуж Элен не хотела никогда, хотя мужененавистницей вовсе не была. Ей несколько раз делали предложения, были и любовные романы, о которых она вспоминала с удовольствием. Просто ей не хотелось жить постоянно ни с одним из встречавшихся ей мужчин — слишком дорога была независимость.

Было, наверное, не слишком разумно оставлять Шантель у себя на эти полтора года. Девушка за это время тоже привыкла к свободе. Это было хорошо для женщины, которая не собиралась связывать с кем-либо свою судьбу, а Шантель должна выйти замуж.

В отличие от Элен, унаследовавшей заурядную внешность Бурков, Шантель выглядела, как одинокий цветок в охапке сорняков. Ей многое досталось от французской линии семьи, которую представляла ее мать. Оливер неоднократно заявлял, что дочь была точной копией своей бабушки — фаворитки короля, блиставшей красотой при французском дворе. Шантель и называли в ее честь. Со своими светлыми, отливавшими серебром волосами и поражающими воображение глазами цвета весенних фиалок девушка и впрямь не походи-

ла ни на кого из Бурков. Ее нельзя было назвать маленькой и хрупкой, но и слишком высокой при пяти с половиной футах роста она не была. Шантель уже была весьма привлекательна, возможно, даже излишне, чтобы быть обойденной мужским вниманием в будущем. Ей будет из кого выбирать. Она сможет найти хорошего мужа, если... если, конечно, при таком опекуне, как Чарльз Бурк, она вообще имеет шансы на счастье.

Элен вздохнула. Если этот человек не ответит на ее письмо в ближайшее время, придется серьезно подумать о том, чтобы самой отвезти Шантель в Лондон. Девушка должна появиться в обществе в соответствии со своим положением и состоянием. Если Чарльз откажет ей в этом, а похоже, что так оно и будет, он приобретет опасного врага в лице Элен. У нее еще достаточно влиятельных друзей в Лондоне, чтобы доставить массу неприятностей американскому кузену, который не выполняет своих обязанностей.

— Тетя Элен, я вернулась! — раздался из кухни голос Шантель, и через мгновение она вошла в гостиную. — Я выбрала отличный кусок мяса на обед и почки на завтрак. Да! Миссис Смит опять просила передать вам, — девушка закатила глаза, — что, если вы будете и дальше посылать меня на рынок, она очень скоро разорится.

— И поэтому ты улыбаешься?

Шантель дерзко усмехнулась.

— На прошлой неделе у нее голова от меня раскалывалась. На этой — я ее разоряю. Интересно, в чем меня обвинят на следующей?

— Может быть, в бессоннице? На меня она за это уже ворчала.

Шантель засмеялась.

— Она замечательная! Я не встречала другого, кто торговался бы с таким удовольствием, как она.

— А ты сама?

— Да, это немного развлекает меня, — сказала девушка, оправдываясь. Она ведь даже охрипла, пытаясь в течение часа получить кусок мяса по более низкой цене. Покупать на рынке продукты по ценам даже более низким, чем добивались преуспевшие в искусстве торговаться постоянные покупатели, превратилось для нее в своего рода соревнование. —

А к тому же посмотрим сейчас, сколько я сэкономила.

Элен опустила глаза. Так, Шантель уже знала, что необходимо экономить. Проклятый Чарльз Бурк!

— Извини, дорогая...

— Что вы, тетя Элен! Скоро Чарльз пришлет деньги, которые я у него просила, и они покроют все ваши расходы.

— Ты написала ему?

— Конечно. Мне следовало это сделать раньше, как только я поняла... Ну, во всяком случае, скоро я все улажу. Кстати, сегодня не было письма?

— Нет, сегодня не было, — ответила Элен, испытывая неловкость из-за всех этих усилий, предпринимаемых племянницей. Как еще среагирует Чарльз, когда получит требования сразу от них обоих?

— Ну, значит, скоро придет, — с веселой уверенностью сказала Шантель. — Не сможет же он и теперь игнорировать мое существование, да, тетя?

Он не сможет? Да он только этим и занимался все последнее время. Но о том, что он однажды обратит на них внимание, обеим женщинам еще предстояло пожалеть.

Глава 3

Шантель заперли в комнате. Но пока ее это не очень волновало. Ей и раньше приходилось выбираться через окно. И хотя с тех пор прошло уже немало лет, девушка знала, что сможет сделать это еще раз. Просто она была не вполне готова. Нужно дождаться, пока в доме все стихнет, собрать вещи и хорошенько все продумать. Но главное, необходимо успокоиться. В данный момент она была так взбешена, что, казалось, могла бы убить Чарльза Бурка.

Домой она приехала только сегодня, но чувство гнева не покидало ее чуть ли не целую неделю, с того самого момента, когда наконец от Чарльза пришло письмо. Вместо денег, которые она так ждала, Шантель получила распоряжение немедленно возвращаться в Дувр. Этот высокомерный идиот даже не удосужился прислать сумму, необходимую для путешествия. Элен пришлось продать очередную драгоценность. Это и переполнило чашу терпения девушки. Шантель была в ярости. Она даже не стала ждать, когда Элен закончит со своими домашними делами, чтобы отправиться с ней, и уехала на следующий же день, несмотря на возражения тети.

У нее было много вопросов к Чарльзу. Прежде всего ему придется ответить, почему он бросил ее на попечение тетушки Элен, которая не имела необходимых для этого средств. Но вышло все совсем не так, как она себе представляла.

Ее будто посетительницу провели в гостиную. Дворецкий был ей незнаком. Да и ковры, и вся мебель были новыми. Она и впрямь почувствовала себя в собственном доме гостей.

Клан был в сборе. Шантель помнила их всех по тому единственному визиту, который они нанесли ей в Норфолке вскоре после своего прибытия в Англию. Каких-то слишком заметных перемен в них на первый взгляд не произошло. Но тогда это были бедные родственники, приехавшие из Америки, чтобы выразить свои соболезнования, и понимавшие разницу между собой и Шантель. Шантель была настоящей леди и по рождению, и по воспитанию, в то время как даже Чарльз не мог похвастаться своим происхождением, по крайней мере до последнего времени.

Чарльз был младшим сыном дядюшки отца Шантель, не поднявшегося за свою жизнь выше подручного плотника. Титул же баронета был пожалован королем родному деду Шантель, который был к тому моменту уже достаточно богат, и именно его состояние перешло в наследство девушке. Сам Чарльз тридцать лет назад бежал из Англии, спасаясь от судебного процесса, которым грозили ему многочисленные кредиторы.

Сейчас, глядя на него, в это невозможно было поверить. Он и все члены его семейства были разодеты по последней моде. Они прямо излучали какое-то высокомерие, обретенное вместе с неожиданно свалившимся на них богатством. Выглядел Чарльз старше своих сорока девяти лет. Это был довольно высокий человек с характерными для всех Бурков голубыми глазами и бледным лицом, обрамленным каштановыми волосами.

Рядом с Чарльзом стояла его рыжеволосая жена — Алиса. Как запоздало сообщил поверенный отца, она была дочерью владельца таверны в Виргинии, той самой, в которой нынешний опекун Шантель после приезда в Америку был в услужении. Были здесь и две их дочери — четырнадцатилетняя Марша и ровесница Шантель — Джейн. Унаследованные от матери рыжие волосы придавали им вид простушек, и даже карие глаза не могли изменить их облик к лучшему. Имелась еще и старшая сестра, но она предпочла остаться

14 в Америке со своим новым мужем, вторым, как гово-

рилось в докладе того же поверенного. Аарон, сын Чарльза, привез с собой в Англию жену Ребекку и двух малолетних детей — все они тоже были здесь.

Подумать только, если бы ее тетушка тоже не жила на берегу моря, она давно бы уже вернулась в свой дом, где обосновалась теперь эта шайка мошенников. Может быть, раньше они бы ей даже понравились, особенно дети, которые с благоговением взирали на все, что их теперь окружало. Она бы могла показать им пляж за дуврскими скалами. В детстве это было любимым местом ее игр. Она собирала там ракушки, плавала, ходила под парусом с отцом, обследовала пещеры, а иногда просто часами сидела на скалистом берегу и ждала, не появится ли вдруг какой-нибудь корабль.

Да, если бы от тетушкиного дома берег моря не находился так близко, что до него можно было дойти пешком, ей бы его очень не хватало. Скорее всего тогда бы она приехала в Дувр раньше, до того как Чарльзу взбрело в голову выдать ее замуж за первого встречного, каковым оказался годившийся ей в дедушки Сайрус Волридж.

Он тоже был здесь, этот старый развратник, который с вожделием смотрел на нее в течение всего разговора. Шантель встречала его раньше. Он жил от них в четверти мили. Она частенько видела его в церкви, где он похрапывал во время службы, а выйдя затем на церковный двор, стрелял глазами в сторону молодых женщин. Ее горничная Эмили называла его всегда паршивым старикашкой. И вот теперь первыми словами, с которыми обратился к ней Чарльз, были:

— Шантель, моя дорогая. Познакомься со своим женихом. Мистер Волридж. Утром вы станете мужем и женой.

В ответ Шантель рассмеялась, так это было нелепо. Сайрус Волридж, однако, даже не обиделся. Он просто сидел и улыбался, совершенно уверенный в том, что утром все будет именно так, как сказал опекун. Взгляд его заставил похолодеть Шантель, и мысли ее стали более четкими.

— Это плохая шутка, сэр, и в дурном вкусе, — сказала девушка, обжигая американского родственника светом своих фиалковых глаз.

— Уверяю тебя, святое таинство не может послужить мне поводом для шуток, — ответил тот.

Только впитанное с молоком матери чувство собственного достоинства заставило Шантель собраться и не накричать на него.